Татьяна ДЕГТЯРЁВА

«Мучительно хорошо было жить...»

К 90-летию со дня рождения Василия Шукшина

Главная тема рассказов Василия Шукшина – человек из русской глубинки середины 20-го века. Время стремительно стирает память о казалось бы недавнем прошлом, и, к сожалению, истинное часто заменяется совсем не безобидными выдумками. В видении современных авторов расплодившихся телесериалов о деревне нынешние сельские жители – это некие выдернутые из контекста подлинной жизни, до невероятия надуманные люди с примитивными чувствами и желаниями. Более того, в сериалах этих налицо душок снисходительно-высокомерного подтрунивания над русским человеком из деревни при абсолютном незнании и непонимании истинного положения вещей. Да истинное как раз и не нужно, чтобы в очередной раз, походя мазнув грязью (деревня!), состряпать очередную незамысловатую телеисторию.

И совсем иначе, в несопоставимой с нынешними фантазиями о деревне параллели видятся сельские жители из русской глубинки Василия Макаровича Шукшина. Писатель вырос среди таких людей, он сам – их частичка, и потому глубоко их чувствовал, понимал, любил и жалел до боли сердечной.

Герои Василия Шукшина ворвались в русскую советскую литературу, разрушив все каноны соцреализма о так называемом положительном герое как о безукоризненно образцовом человеке. Его герои не вычерчены по красивому лекалу, отнюдь не идеальны, ничем не приукрашены, а взяты писателем из самой гущи провинциальной русской жизни. Они просты и абсолютно естественны, но это не только не снижает их «положительности», а напротив, делает их понятными, симпатичными и убедительно жизненными.

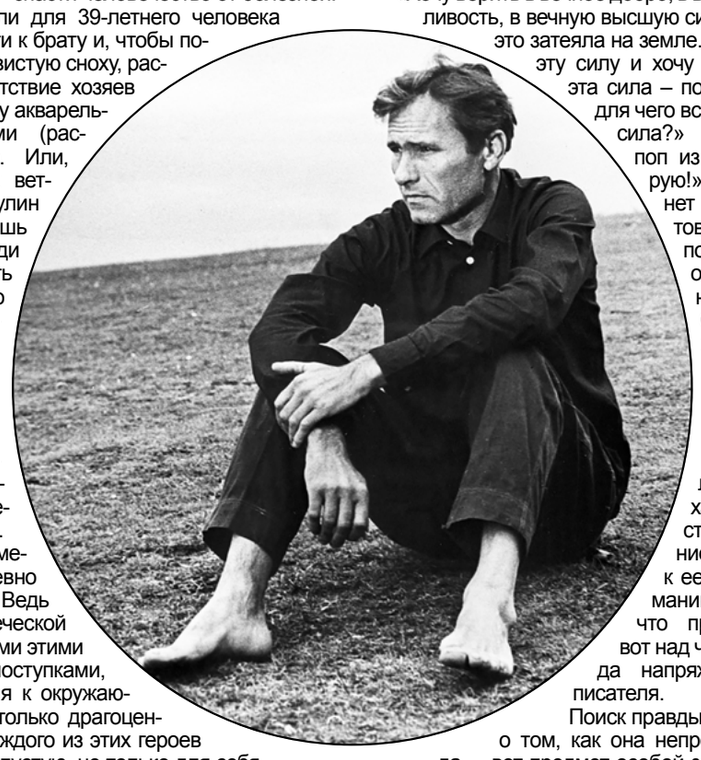
И потому так живописна, так ложится к душе его бабка Маланья из рассказа «Сельские жители». Эта простая русская женщина не умела даже писать, но сумела вырастить сына-героя и так умно, так строго-заботливо (как испокон веков и заведено было у добрых русских людей) воспитывает внука. Удивляешься, как здравый смысл бабки Маланьи, ее неизменный житейский прагматизм уживаются в ней с наивной, почти детской доверчивостью к тому, что говорят более «знающие» люди. Чуть лукавая улыбка доброго любящего взгляда автора пронизывает рассказ, который невозможно читать без смеха до слез, до ощущения живого прикосновения к живым людям.

Предельная правдивость, острый глаз, чуткое сердце и особенное мастерство слова – вот что составляет силу шукшинских рассказов. Убедительная выразительность подачи образа, когда нельзя не верить, что вот только так и мог говорить, так поступать тот или иной его персонаж. И даже самым придирчивым оком не обнаружить в его произведениях никакой надуманной сцены или фразы. И поступки, и речи его героев, и весь состав писательской фразы (в которой ни слова лишнего) – всё каждый раз предельно убедительно и каждый раз нацелено на глубинный смысл, который надо еще разглядеть. Всегда небольшой объем рассказа и при этом такая ощутимая полнота очень непростой человеческой жизни – вот великолепное искусство Василия Шукшина. И потому при всей простоте сюжета рассказы писателя замечательно интересны и, перечитывая их, каждый раз открываешь в них что-то новое, неожиданное, не замеченное ранее.

Произведения Василия Шукшина ломают ложное, надуманное представление о русском человеке как о существе темном, грубом или простовато-дураковатом. Пашка Колокольников (сценарий к х/ф «Живет такой парень») на первый взгляд и в самом деле простой, веселый, немного бесшабашный, но сколько при этом серьезного всматривания в жизнь, сколько настойчивого стремления быть лучше, значительнее, сколько не сразу открывающейся доброты к людям и способности, когда нужно, на серьезный поступок.

Неизменный, наполняющий жизнь многообразием оттенков и смыслов, все расставляющий по своим местам и всегда спасительный юмор является великолепной составляющей почти всех рассказов писателя. Но странно дело: читаешь, смеешься до слез, а потом вдруг вырастает за этим смехом что-то непоправимо грустное. Как, например, в рассказе о Чудике из одноименного рассказа. Почти беспрерывно хохочешь над нелепицами, в которые попадает этот герой, а в конце рассказа вдруг так защемит сердце об этом наивно-чистом и добром человеке, которому так непросто жить в набирающей жесткие обороты жизни среди «продвинутых» и оборотистых людей.

Не перестаешь удивляться многообразию таких его «чудиков», их спрятанной за внешней простотой глубине. На первый взгляд, они и в самом деле чудаковатые, наивные, даже нелепые. Ну ни странно ли в самом деле главе семьи, где так трудно экономится каждая копейка, потратить целую зарплату на покупку микроскопа (рассказ «Микроскоп»), чтобы, оказывается, с его помощью – ни много ни мало – спасти человечество от болезней. И не наивно ли для 39-летнего человека приехать в гости к брату и, чтобы порадовать норовистую сноху, раскрасить в отсутствие хозяев детскую коляску акварельными красками (рассказ «Чудик»). Или, например, как ветфельдшер Козулин (рассказ «Даешь сердце!»), среди ночи разбудить спящее село громкими выстрелами, салютуя таким образом победе медиков в Кейптауне, осуществивших первую пересадку человеческого сердца.



Читаешь, смеешься и душевно согреваешься. Ведь столько человеческой теплоты за всеми этими «странными» поступками, столько участия к окружающим людям, столько драгоценного умения каждого из этих героев проживать не впустую, не только для себя. Находясь в далекой провинции, герои Шукшина, подобно Броньке Пупкову (рассказ «Миль пардон, мадам!») с его сногсшибательной байкой о «покушении на Гитлера», мечтают о больших делах, сильных чувствах, о незряшности своей жизни.

Героев Шукшина определяет не место, не время, не профессия, а то, что можно назвать их внутренним составом. Непростота, неординарность простого человека из русской глубинки – вот что можно выделить как стержневое в творческой задаче писателя. Поиск героями серьезного дела и большого смысла, поиск веры и правды, любви и добра, как это зачастую непросто.

«Хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что эта сила – победит. Иначе – для чего все? А? Где такая сила?» – спрашивает поп из рассказа «Верую!». В рассказе нет готовых ответов, но то, как этот поп размышляет о самых серьезных вопросах бытия, не может не восхитить дерзостной глубиной проникновения в тему.

Загадка человеческого характера, и настойчивое желание приблизиться к ее тайне, к пониманию того, из чего что произрастает, – вот над чем бьется всегда напряженная мысль писателя.

Поиск правды, размышление о том, как она непроста, эта правда, – вот предмет особой заботы сельских жителей Василия Шукшина. Правдой ли является то, что выдает за правду по сути равнодушный к людям Макар Жеребцов (рассказ «Непротивленец Макар Жеребцов»). И нужна ли жестокая правда Павла из рассказа «Капроновая елочка»? И за какую такую правду бьется так дотошно, так искренне, до слез, дед Ермолай из одноименного рассказа? Для него правда, то есть честность человеческих слов и ответственных поступков, – это то, без чего жить просто нельзя, невозможно. Без такой правды все теряет смысл. И потому он буквально до слез страдает, когда видит, что мальчишки, сколько дед Ермолай их ни умолял, так и не сознаются в своем обмане.

«Теперь, много-много лет спустя, когда я бываю дома и прихожу на кладбище помянуть покойных родных, я вижу на одном кресте: «Емельянов Ермолай …ич». «Емельянов Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже поминаю, стою над могилой. Думаю. И дума моя о нем простая: вечный был труженик, добрый честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что был в этом, в их жизни какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или не было никакого смысла, а была одна работа, работа… Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей… вовсе не лодырей, нет, но… свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю теперь иначе! Но только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее?».

Думается, писатель с годами, конечно же, ответил на этот вопрос. А если не успел, ответило время. Жизнь осиротела, скукожилась без таких людей, без их правды и, потеряв несущие опоры, стала такой ненадежной.

Абсолютная погруженность писателя в создаваемый образ, и каждый раз передающаяся читателю теплота, сердечность и сострадание к нему автора. Чтобы так писать, нужна доброта самого пишущего, не громкая, не на показ, а умная и действенная, как в рассказе «Горе». Читаем, и от рассказа к рассказу вырастает перед нами простой русский человек из сибирской глубинки: всегда очень естественный, всегда думающий, стремящийся наполнить свою жизнь какими-то достойными делами, честный, добрый, умеющий любить, гордый. Иногда чудаковатый. Но ведь если вдуматься, чудачество от слова «чудный», «чудо», то есть нечто необычное, редкое.

Думается, важнейшая (при многих других) заслуга писателя Василия Макаровича Шукшина именно в том и состоит, что герои его, очень простые, очень земные и каждый раз – особенные. В каждом – своя изюминка, в каждом проявляется и просит действия что-то удивительное, редкое, дарованное свыше и даруемое, наверное, для чего-то. Для чего?

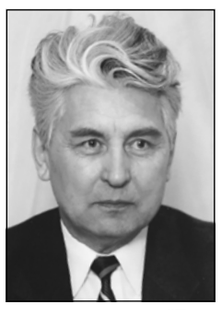
Хорошо бы нам, соотечественникам писателя, живущим уже в веке 21-ом, задуматься над этим вопросом, как впрочем и над другими непростыми вопросами, так или иначе заданными автором.

Оренбург

Андрей РУМЯНЦЕВ

«И в небесах я вижу Бога...»

О важной черте русской поэзии



В душе каждого русского поэта – за редчайшим исключением – жил Бог. Говоря так, мы прежде всего вспоминаем строки Александра Сергеевича Пушкина. Еще в восемнадцатилетнем возрасте он написал стихотворение "Безверие", в котором попытался выразить душевные муки любого человека, пребывающего во тьме. Что есть вера, ее исцеляющая сила? Этот вопрос постоянно занимал поэта, хотя иным читателям кажется, что страстному, неукротимому характеру нашего гения было чуждо раздумье такого рода.

Припомним лишь один случай из творческой жизни Пушкина. Тридцатилетний поэт напечатал в альманахе свои стансы:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

На эти строки откликнулся митрополит Филарет. Он написал нечто вроде ответа поэту, по-своему переиначив его стихи:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана.
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своеправной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью.
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Когда приятельница поэта Елизавета Михайловна Хитрово, дочь М.И. Кутузова, сообщила Пушкину о необычном отклике митрополита, Александр Сергеевич со свойственной ему пылкостью написал ей: "Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! Да ведь это в самом деле находка!".

Тема была затронута глубочайшая и сокровенная – поэт не мог, не захотел отмолчаться. Опубликованное им вскоре стихотворение – это вовсе не продолжение диалога со служителем Церкви. Это исповедальное обращение к Богу, выстраданные слова смирения и благодарности:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Сложной натурой был Михаил Юрьевич Лермонтов. Кажется, от него меньше всего можно было ожидать стихов, проникнутых христианским смирением и покорностью. Он был непокорен и мятежен – дитя земных, необузданных страстей и творческой свободы. Но именно он написал строки, которые объединяют русских поэтов и которые близки сердцу большинства из них:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит
при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной
зеленого листка;

Когда, росой обрызганный
душистой,
Румяным вечером иль утра
в час златой,
Из-под куста
мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ
играет по оврагу
И, погружая мысль
в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край,
откуда мчится он, –

Тогда смиряется
души моей тревога,
Тогда расходятся
морщины на челе, –
И счастье я могу
постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога…

Это сказано сердечно, с глубоким убеждением, без вызова – так, как может сказать глубоко верующий человек, кто родился с Богом, пронесет его в сердце через всю жизнь и умрет с Его именем на устах.

В своем странном атеизме признавался Афанасий Афанасьевич Фет. Но это был самооговор, это была какая-то неуверенность в том, достаточно ли прочно утвердилась вера в слабой душе, пойдет ли она за веру на костер. А стихи его спорили с автором, они – целомудренные, страстные, человеколюбивые, – может быть, наперекор поэту говорили о христианской нежности, послушании, доверии к Божьему промыслу:

Чем доле я живу,
чем больше пережил,
Чем повелительней
стесняю сердца пыл, –
Тем для меня ясней,
что не было от века
Слов озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш Отец,
который в небесах,
Да свято имя мы Твое
блюдем в сердцах,
Да прийдет царствие Твое,
да будет воля
Твоя, как в небесах,
так и в земной юдоли.
Пошли и ныне
хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг, –
и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас,
бессильных, в искушенье
И от лукавого избави самомненья.

Недаром многолетний друг Фета поэт Яков Полонский восторгался, определяя – скорее всего для потомков, чем для себя, – секрет души Афанасия Афанасьевича, самого тонкого, проникновенного русского лирика:

"…внутри тебя сидит другой, никому не видимый и нам, грешным, не видимый человек, окруженный сиянием, с глазами из лазури и звезд, и окрыленный. Ты состарился, а он молод! Ты все отрицаешь, а он верит!.. Ты презираешь жизнь, а он, коленопреклоненный, зарыдать готов перед одним из ее воплощений – перед таким существом, от света которого Божий мир тонет в голубоватой мгле!

Господи Боже мой! Уж не оттого ли я так люблю тебя, что в тебе сидит, в виде человечка, бессмертная частица души твоей?"

Еще более разителен пример Николая Алексеевича Некрасова. Его стихи о родине, русском крестьянине, отчей природе полны не только любви, но и печали, и даже гнева. Его сердце ранили рабство, нищета и забитость простого человека, жестокость тех, кто попирает христианские заповеди. Но когда поэт заводит речь о православных чувствах своих героев (а в стихах Некрасова видны лица и слышны голоса десятков простых людей России), он всегда с пониманием и уважением относится к их духовной жизни. В отличие от других революционных демократов девятнадцатого века поэт ни единым словом не оспаривал духовного выбора своего соотечественника, его веру.

Эту мысль можно подтвердить бесчисленными примерами. Приведем только несколько строк – о скромной сельской церкви:

Храм воздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр, ни Колизей!

Сюда народ, тобой любимый,
Святое бремя приносил –
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной…

Легко говорить об отношении Александра Александровича Блока к Богу. Оно не подчеркивалось поэтом, не выпячивалось, не выставлялось напоказ. Его вера была частью его духовного мира; ее сращенность со всем творчеством Блока, и раннего, и позднего, нельзя рассечь, разъять. В ткани его стихов вера не просто угадывается, часто она составляет доминанту стихотворения:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый отсвет в лицах есть.
……..
И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, –
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

Уже по этим строкам читатель может судить о том, что поэт трезво видел противоречивость и жестокость мира, в котором суждено жить человеку; это плата за наше несовершенство и земные грехи. Но для Блока страдания и боль естественно соседствуют с красотой и счастьем, заслуженными чистой и праведной душой. То и другое принимается поэтом с мудрой неизбежностью. Трагически и целомудренно звучит в нашей памяти его чудесное стихотворение:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака
смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, –
плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Еще многое можно сказать на тему, выбранную нами. Русская лирика – это такой источник православных чувств, из которого читателю дано черпать с детства и до старости. Здесь поэзия как бы сливается с пастырской проповедью, обретая особую мудрость и красоту.

Елена СУДАРЕВА

Георгию Иванову – вернувшемуся в Россию

По следам «Посмертного дневника» поэта

Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть.
Вернуться в Россию – стихами.
Георгий Иванов

Какую боль испытываешь, читая «Посмертный дневник» *(1958)* русского поэта Георгия Иванова *(1894-1958)*. Этот цикл был написан в доме престарелых на юге Франции. Там вместе со своей женой Ириной Одоевцевой *(1895-1990)* Георгий Иванов провел последние, самые тяжкие годы эмиграции.

Его последние стихи написаны в августе 1958 года. Расставание с этим миром встретил поэт в конце лета – душный август стал для него временем страданий и прощания с жизнью, прощанием с поэзией.

Творчество Георгия Иванова бесконечно близко и вызывает глубинное сопереживание. Но есть в нем какая-то недосказанность, недоговорённость, что-то долго скрываемое в самой его лирической глубине.

Словно в руинах лежит художественный мир поэта, а гармонические ноты в итоге непременно срываются в трагический, а иногда в иронический диссонанс… Но несмотря на всё, стихотворения Георгия Иванова дышат редким упоением красотой и любовью этого трагического, несправедливого, мучительного – потерянного мира.

Кажется, что перед своим уходом поэт словно сорвал пепельный покров, которым всегда будто припорашивал свой стих. И на пороге прощания раскрыл самые тайные, самые чистые родники своей любви и надежды.

Александр Сергеевич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы,
с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал.

Вы мне всё роднее,
вы мне всё дороже.
Александр Сергеевич,
вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем,
злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже
трудно умирать.

В первом же стихотворении «Посмертного дневника» Георгий Иванов припадает к Пушкину – к началу начал русской поэзии и литературы. Припадает к тому родному, кто может поддержать и утешить в самом последнем отчаянии.

Эта всеми силами скрываемая боль по недостижимой России, эта глубинная тоска по ней, которая пропитала всю поэтическую ткань его стиха терпкой горечью бытия, в последних произведениях Георгия Иванова вырывается на свободу.

Было всё – и тюрьма, и сума.
В обладании полном ума,
В обладании полном таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю…

Однако пережитые на чужбине страдания, «распроклятая судьба эмигранта», её тяжкий крест и превратили Георгия Иванова в подлинного русского лирика XX столетия. Как последняя исповедь и одновременно завещание поэта звучит его стихотворение:

В ветвях олеандровых
трель соловья.
Калитка захлопнулась
с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хожденье по мукам,

Хожденье по мукам,
что видел во сне –
С изгнаньем, любовью
к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть.
Вернуться в Россию – стихами.

Почти все стихотворения «Дневника» написаны словно на предельной ноте открытости: незачем и не перед кем уже скрываться. И можно прилюдно признаться в той невыносимой боли, которую пронес поэт через всю жизнь – о русской боли его сердца:

Я жил, как будто бы в тумане.
Я жил, как будто бы во сне.
В мечтах,
в трансцендентальном плане,
И вот пришлось проснуться мне.

Проснуться, чтоб увидеть ужас,
Чудовищность моей судьбы.
…О русском снеге, русской стуже…
Ах, если б, если б… да кабы…

Ему было ОБЕЩАНО – и Георгий Иванов вернулся в Россию. Вернулся, чтобы остаться с ней уже навсегда.

Но читая стихотворения этого истинно русского поэта, начинаешь невольно испытывать боль и стыд уже за себя, за нас, которым дан этот дар – жить на Родине, жить в России и который мы подчас так мало ценим. Так мало чувствуем эту благодать за разными бытовыми неудобствами и неудовлетворенными амбициями. Неужто надо безвозвратно потерять то, чем ты живёшь и дышишь, и не замечаешь как воздух, чтобы потом раскаяться и начать страдать по утраченному навсегда?..

«ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ». ПОДПИСКА

Газета – ежемесячник, 6 номеров.
Журнал-приложение – ежеквартально, 2 номера (360 страниц).

СТОИМОСТЬ ПОЛУГОДОВОЙ ПОДПИСКИ
на 2019 год (II полугодие) с редакционной пересылкой:

газета (в бумажном конверте) – 300 рублей,
журнал-приложение (в бумажном конверте) – 350 руб.
В редакции можно приобрести журнал за 100 рублей.

КАК ЗАКАЗАТЬ и ОПЛАТИТЬ ПОДПИСКУ?
Перечислить на редакционную карту VISA:
4276 8401 9847 8974,

либо послать почтовый перевод по адресу:
119146, Москва, Комсомольский просп., 13, редакция,
Ерофеевой Валентине Григорьевне (гендиректор издания).
Контактный телефон: 8 916 015 80 69
!!!
ОБЯЗАТЕЛЬНО СООБЩИТЕ РЕДАКЦИИ СВОЙ ПОЛНЫЙ
почтовый адрес (и электронный, если он у вас есть).

АНО «Газета русских писателей “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”»
Учредитель – Союз писателей России
Свидетельство о регистрации от 12.04.2019
№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109
Тел. редакции: **8 (916) 015-80-69**
Наш сайт: **denliteraturi.ru** Электронный адрес: **denlitera@yandex.ru**
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarph.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).
Тираж 4 000

Главный редактор – Владимир БОНДАРЕНКО
Выпускающий редактор – Валентина ЕРОФЕЕВА

РЕДСОВЕТ:
Александр БОБРОВ
Андрей ТИМОФЕЕВ

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов 18+

Подписано в печать 28.07.2019 г. Заказ №